

По справедливости сказать, стих Ваньэр не был верхом совершенства, но эта находчивость и намёк — нечто, до чего обычному человеку не дотянуться. Матушка в обращении с подчинёнными обычно снисходительна, на мелочи не обращает внимания — вряд ли она станет из-за таких пустяков сильно журить Ваньэр. Но если она и вправду не придаёт этому значения, зачем тогда специально спрашивать моё мнение? Будь это в другое время, я, может, и набралась бы смелости, повозмущалась бы, попросила за Ваньэр. Но сейчас за дверью был У Миньчжи. Что У Миньчжи значил для меня в присутствии матушки — то же, что династический брак для меня в присутствии Ли Шэна. Оба — заноза в сердце. Каждый раз, когда я пыталась сблизиться с матерью или братом, эта заноза впивалась больно, заставляя меня лишней раз всё обдумывать.

Помедлив, я всё же осторожно промолвила:

— Тайпин невежественна, не смею судить произвольно.

Улыбка матушки слегка померкла. Она мягко провела рукой по моему лбу:

— В последние дни холодно, не замёрзла ли? Кто с тобой?

Я дёрнулась было, но прежде чем успела что-либо сказать, Ваньэр тихо произнесла:

— Может, с утра не ела, проголодалась?

Я вовсе не была голодна, но тут же подхватила:

— Да, немного. Матушка, есть у вас чего перекусить?

Матушка с лёгким недоверием взглянула на неё, потрогала мой лоб, шею, руки, убедившись, что жара нет, и спросила Ваньэр:

— Что есть из съестного?

Ваньэр невозмутимо ответила:

— Ваше Величество разве забыли? Сегодня Чжоу-гогун подносит трапезу.

Матушка слегка кивнула:

— Совсем из головы вылетело, что он ещё снаружи. Пусть войдёт.

Ваньэр взглянула на служанку у двери, та тут же вышла. Вскоре открылась боковая дверь, и У Миньчжи, ведя за собой толпу слуг из Управления Шаншань, ввёл их внутрь. Расставили маленькие столики, вскрыли все принесённые короба и корзины — и начали выставлять содержимое. В каждом коробе была жаровня, а на ней — блюдо, поэтому в один короб помещалось лишь одно-два яства. А У Миньчжи поднёс более сотни видов яств, закусок и напитков, одних только коробов было штук шестьдесят. На один-единственный приём пищи заняли целую комнату.

Среди изысков — жаркое линсяо, на которое пошло всего четыре ляна с целого барашка, вяленое мясо «Красный дракон», сложенное из маринованных вишен. Были и простые яства: бараньи лопатки, оленина. Напитки — вино «Нинлуцзян», вино из османтуса, чай «Люйхуа» и «Цзыин». Сласти — всевозможные творожные лакомства да пирожные. Основное — лапша в бульоне, кунжутные лепёшки. А ещё — редкие в ту пору фрукты да овощи: хурма, мандарины,

груши, лук-батун, сельдерей, турнепс, пекинская капуста, таро, корни лотоса.

У Миньчжи сначала отдал матушке полагающийся по чину поклон, а когда та велела подняться, поклонился как родственник:

— Племянник приветствует тётю, приветствует Эрнян.

Матушка скосил взгляд на уставленную яствами комнату и равнодушно промолвила:

— С утра пораньше столько снеди тащить — хлопот, небось, немало. На одно это блюдо, поди, несколько семей могло бы прожить?

У Миньчжи улыбнулся:

— Хлопоты, деньги — всё пустяки. Лишь бы тётушка порадовалась — вот и вся моя сыновняя почтительность. Припас ещё двух небесных коней, сто комплектов императорских одеяний, десять ларцов с украшениями — в дар тётушке.

Матушка нахмурилась:

— Ныне в столице великая засуха, доу риса — четыреста монет, сотни людей умирают с голоду. Я как императрица должна подавать пример бережливости всему миру. А ты подносишь такое. Что ты этим хотел сказать?

Лицо У Миньчжи перекопилось. Он шагнул вперёд, рухнул на колени и принялся бить челом:

— Племянник глуп, племянник лишь хотел выказать сыновнюю почтительность. Подумал, раз Ваше Величество прибыли в округ Жу, к одежде и пище, возможно, не привыкли, да и зима нынче лютой выдалась, поболее прежнего. Опасался, как бы во дворце всего не заготовили, вот и припас съестного да одежды по столичному обычаю. Отнюдь не хотел запятнать светлое имя Вашего Величества.

Ненависть к нему клокотала во мне. Заметив в его словах слабинку, я холодно вставила:

— Ты в округе Минь пребываешь, откуда же ведаешь о дворцовых обычаях? — Хотела уже добавить: «Разве нужды Вашего Величества дворец удовлетворить не в силах, что тебе, цыши, приходится восполнять?» — но почувствовала, как кто-то ткнул меня в локоть. Сдержала порыв оглянуться, лишь слегка отклонила голову. Краем глаза заметила, как Ваньэр едва заметно качнула головой. Я прикусила язык. Матушка же, услышав мои слова, наоборот, улыбнулась, привлекла меня к себе и, глядя на У Миньчжи, сурово сказала:

— Лишаю тебя полугодового жалованья. Все твои колесницы, коней, одежды — оцени, обрати в деньги и шёлк, вместе с жалованьем сдай в Ведомство подворий. А теперь — ступай. Иди и хорошенько поразмысли.

У Миньчжи, дрожа от страха, ретировался. Слуги из Управления Шаншань собрались уносить и поднесённые яства, но матушка указала на вяленое мясо «Красный дракон» и несколько творожных лакомств:

— Это оставьте. Остальное — вынесите, по десять блюд каждому из советников. Сюй Цзинцзун стар — фрукты ему половину отдайте. Остальное — по рангам распределите между чиновниками у трона.

Когда все вышли, она взяла меня за руку и подвела к столу. Слуги подали обычную трапезу: перед матушкой — с десяток блюд, передо мной — всего несколько.

Матушка сказала:

— Для Цайжэнь тоже прибор поставьте. — Оставленные ею яства она разделила пополам: половину — мне, половину — Ваньэр. Мы поблагодарили за милость и уселись. Отведав понемногу, услышали, как матушка с лёгкой улыбкой спрашивает:

— Сыцзы, ты, кажется, не всё высказала?

Я надулась нарочно:

— Да ничего особенного. Скажу хоть десять тысяч раз — он мне всё равно двоюродный брат, твой родной племянник. Мы — родня, что бы он ни натворил — всё на твой счёт идёт. Нечего ссориться.

Матушка опустила глаза, взглянула на блюдо с бараниной перед собой. Гао Яньфу поспешил отпустить слуг из Управления Шаншань, склонился и нарезал баранину тончайшими ломтиками, завернул в лепёшку и поднёс матушке. Та взяла лепёшку, взглянула на меня. Я поспешно зачерпнула маринованных вишен, смешала с творожным лакомством и отправила в рот. Матушка покачала головой:

— Вид-то какой.

Я ухмыльнулась:

— Только перед тобой, матушка, такая. Чужие — другое дело. — Пока говорила, миску с творожным лакомством уже опустошила. Поднялась я сегодня слишком рано, есть не хотелось, но Вэй Хуань процедила воду с лапши, что прислали из Управления Шаншань, приправила кизилом, перцем, чесночной пастой и мясным соусом, сделав подобие лэнтао, и уговорила меня съесть целую большую миску. Теперь, после творожного лакомства, живот распирало так, что тошно. Через мгновение началась икота. Боясь, что матушка заметит, я стиснула губы, стараясь сдержаться.

Матушка, разумеется, заметила мою немощь. Отложила палочки, подозвала:

— Сыцзы, иди сюда.

Я нехотя поднялась, подошла, волоча ноги. Матушка усадила меня рядом, потянулась рукой, чтобы пощупать живот. Я отпрянула, смущённо воскликнув: «Матушка!» Она похлопала меня по голове, строго сказав: «Сиди смиренно». Пришлось послушно сидеть, пока она массировала мой живот. Затем она обратилась к дверям:

— Пусть те, что сегодня при принцессе, войдут.

Снаружи передали приказ. Вскоре, согнувшись, вошли Вэй Хуань, две служанки и два евнуха. Вэй Хуань хотела встать сзади, но матушка сразу назвала её:

— Вэй Си.

Вэй Хуань благоговейно опустилась на колени, подползла вперёд и припала к земле, ожидая распоряжений. Видя, что на лице матушки нет и тени радости, я порывисто было вскочила, но

она меня удержала. Пришлось, сидя рядом, изо всех сил строить Вэй Хуань глазами. Увы, эта наглая со мной особа перед матушкой не смела и головы поднять. Я чуть глаз не вывихнула, стараясь её предостеречь, а она лежала недвижимо. Матушка спросила:

— Что принцесса сегодня утром употребляла?

Та честно ответила:

— Докладываю Вашему Величеству: поднялась в час Чоу, выпила чашку бобового отвара. Позже — миску лапши в бульоне. Перед выходом — половинку варёного яйца.

Матушка искоса взглянула на меня. Я оправдывалась:

— Была сыта, а пришла к матушке — и снова проголодалась. Всё кажется, будто надо что-нибудь скушать. — Сама не заметила, как в голосе проскользнула та капризная, нелогичная нотка, которой я обычно пользовалась, выпрашивая что-то у родителей. — Это я плохая. Нынче великая засуха, матушка сама во всём ограничивает себя, а я тут обжираюсь... — Матушка бросила на меня взгляд, и я замолчала, поползла вперёд на коленях и, опустившись перед ней, то и дело поглядывала на неё исподтишка.

Выражение лица у матушки было спокойным — ни гнева, ни одобрения. Она смотрела на меня несколько мгновений, ничего не сказала, лишь медленно поднялась, опираясь на колени. Я тут же вскочила, ухватилась за её руки. Матушка посмотрела на мои руки, задержала взгляд на миг, затем положила свою руку поверх моей. В позе Ли Ляньина, поддерживающего императрицу Цыси, я проводила матушку в главный зал, где уже ожидали несколько сановников.

Матушка остановилась у двери, повернулась ко мне и спросила:

— Говорят, ночуешь ты с Вэй Си вместе?

Сердце во мне ёкнуло. Я заставила себя улыбнуться:

— Ночью ветер такой сильный, воеет, страшно становится. Одна — уснуть не могу.

<http://bllate.org/book/16278/1466121>